

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- В. И. АНДРЕЕВ** академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Казанского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
- С. М. БЕЗУХ** профессор кафедры социальной работы и социальных наук Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор медицинских наук
- Е. О. ГАЛИЦКИХ** заведующая кафедрой русской литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор
- В. В. ГОРШКОВА** заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор
- Ю. С. ДАВЫДОВ** академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор
- С. Ф. ЕГОРОВ** академик РАО, заведующий отделом Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук
- В. А. КОЛЕСНИКОВ** директор областного ГОУ СПО «Иркутский государственный педагогический колледж № 1», доктор философских наук, заслуженный учитель РФ
- С. С. ЛЕБЕДЕВА** профессор кафедры социальной работы и социальных наук Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор педагогических наук
- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
- А. А. ОРЛОВ** член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. М. ПОМЕРАНЦЕВ** профессор кафедры технологии катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технический университет), доктор химических наук
- Ю. В. СЕНЬКО** академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор
- Т. А. СКОПИЦКАЯ** методист факультета развития профессионального образования Ленинградского областного института развития образования
- О. В. СЮТКИНА** доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Кировского филиала СПбГУП, кандидат педагогических наук

Н. Д. НИКАНДРОВ: — На сегодняшнем секционном заседании мы будем говорить о реформе образования, о том, насколько она успешно (или неуспешно) проводится. Нам предстоит выяснить, какие за период реформ высшей школы были выявлены положительные и отрицательные моменты, оценить приобретения и потери. Речь пойдет о проблемах в образовании в широком смысле слова (не только в высшем).

Недавно в Государственной Думе обсуждалась концепция нового закона об образовании. Первая редакция этого законодательного акта была принята в 1992 году. Она получила положительную характеристику, причем не только в России, но и за рубежом. Это прогрессивный и интересный закон. Впоследствии развернулась серьезная борьба за его изменение, было внесено много поправок, трансформировавших закон как в худшую, так и в лучшую сторону (на этот счет существуют разные мнения).

Одно изменение, которое было внесено в 1996 году, касалось основ, первых статей закона. Если в первом варианте закона 1992 года было указано, что образование — это обучение и воспитание в интересах личности, обще-

ства и государства, то в 1996 году — что образование есть воспитание и обучение в интересах человека, общества и государства. Акцент смещен с обучения на воспитание. На мой взгляд, это было правильное решение, я оцениваю данное изменение положительно. Слово «личность», широко распространенное на Западе, было заменено словом «человек» (слово славянского происхождения), ведь речь идет о законе, принятом в России. Но это частность.

В настоящее время также ведется работа по созданию Образовательного кодекса. Должен действовать не только закон (относительно краткий документ), но и целый набор законов, которые составят Образовательный кодекс. Работа по его созданию идет давно, но очень медленно, и далеко от своего завершения.

Ю. С. ДАВЫДОВ: — Дорогие коллеги, Николай Дмитриевич определил круг вопросов, которые мы должны обсуждать, обозначил проблемы, связанные с концепцией проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В Государственной Думе при Комитете по образованию и науке были созданы несколь-

ко советов с целью изучения общественного мнения, один из них — Экспертный совет по вопросам образования. Недавно была официально представлена концепция проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Здесь необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Николай Дмитриевич говорил о Законе «Об образовании», принятом в 1992 году. Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но я считаю Закон «Об образовании» от 1992 года одним из лучших в мире. Если бы мы осуществили все требования этого закона, то ни одна из последующих реформ нам была бы не нужна. По моему убеждению, каждый должен быть знаком с тем, что ему предлагают. В целом ряде случаев законодательные инициативы идут вразрез с мнением образовательной общественности.

Наиболее яркий пример — Единый государственный экзамен (ЕГЭ). С одной стороны, он административно утвержден, его поддерживает большинство, поскольку он позволяет объективно оценить знания и обеспечивает доступность образования. С другой стороны, некоторые общественные и государственные деятели, в частности мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, считают, что ЕГЭ нужно отменить.

Представители других экспертных советов Государственной Думы, в частности бывший министр общего и профессионального образования РФ Владимир Георгиевич Кинелев, высказывают мнение о том, что необходимо объявить мораторий на все реформы, проводимые в образовании, по крайней мере на ближайшие три года. Но вместо этого нам предлагают новую концепцию закона.

На мой взгляд, в настоящее время созрела необходимость внесения изменений в закон. В период с 2002 по 2008 год в образовательном законодательстве было принято 35 новых законов. Они дополняли образовательное законодательство, но в то же время были самостоятельными законами. Кроме того, административными решениями было внесено около 200 изменений в Закон «Об образовании», причем эти изменения далеко не всегда имели прогрессивный характер. Я считаю, что они негативно отразились на законе 1992 года.

Закон «Об образовании» 1992 года существенно изменен. Например, из него была изъята статья «Государственные гарантии образования». Но если не существует государственных гарантий образования, следовательно, нет и самого образования. Также в законе отсутствует статья, связанная с обеспечением материально-технической базы образования, и т. д.

Я прошу внимательно отнестись к краткому изложению концепции об образовании и некоторым комментариям. Мне поручено обобщить все предложения образовательной общественности в записке, которая будет представлена в Комитет по образованию Государственной Думы. Я считаю ошибочным и несправедливым тот факт, что в разработке этой концепции (сроков, этапов работы) не учтена стадия ее обсуждения в кругах образовательной общественности.

Например, предусмотрено согласование концепции и проекта технического задания на разработку законопроекта заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, внесение концепции проекта технического задания на разработку законопроектов правительства в июне 2009 года. Далее предлагается внесение проектов законов в правительство в июле 2009 года и внесение проекта Федерального закона в Государственную Думу в ноябре 2010 года. Среди этих пунктов нет указаний на то, что общественность должна обсудить этот закон.

В новой концепции представлен интегрированный закон «Об образовании». Хотя словосочетание «интегрированный закон» не употребляется, проект закона предпола-

гает приостановление действия всех предыдущих законодательных актов («Об образовании», «О высшем образовании») и изменений, которые были в них внесены.

Я считаю, что требует совершенствования внесение изменений в существующие в настоящее время законы «Об образовании» и «О высшем образовании». Изменения следует внести до принятия интегрированного закона, например восстановить те статьи, о которых уже говорилось, — о государственных гарантиях образования, о материально-технической базе. Поэтому в концепции утверждается, что необходимо совершенствование законодательных основ отечественной системы образования.

Что представляет собой новая концепция закона? Прежде всего я хотел бы обратить ваше внимание на то, что вместо выражения «образовательные учреждения» предлагается употреблять словосочетание «образовательные организации». Напомню, что подобного рода предложение уже было высказано несколько лет назад: предлагалось создать коммерческим организациям возможность создавать образовательные структуры. Если коммерческая организация создаст филиал или представительство, то нужно какое-то помещение, в котором будет осуществляться образовательный процесс. Главное — это предложение вносится для того, чтобы предоставить коммерческим структурам возможность создавать образовательные учреждения.

Кроме того, в настоящее время некоторые законодательные инициативы расходятся с некоторыми статьями Конституции РФ, законов и положениями, связанными с деятельностью образовательных учреждений. Предполагается законодательно оформить те изменения, которые имеют место, в частности Единый государственный экзамен, ступенчатость образования (двухуровневая система).

В современной редакции закона последнее положение зафиксировано, но отличие от новой редакции заключается в том, что студенты по закону 1992 года могут делать это добровольно. (Принятие закона 1992 года привело к тому, что в ряде вузов был осуществлен переход к двухуровневой системе.) В настоящее время предлагается готовить 80 % бакалавров и 20 % магистров. Но я считаю такое положение дел неправомерным. На мой взгляд, в новой концепции нужно указать, что многоступенчатость должна базироваться на добровольной основе.

Что касается Единого государственного экзамена, который концепция также предлагает утвердить как постоянное явление, то я полагаю, что он полезен с точки зрения определения «болевых точек» образования. Что показал ЕГЭ в 2008 году? Что изучение математики в школах никуда не годится, а русского языка требует улучшения.

Если говорить о ЕГЭ, то я считаю предложения об установлении границы, когда абитуриентам не разрешается подавать документы в высшие учебные заведения, если они не набрали положенное количество баллов, антиконституционными. В законопроекте также предлагается это положение конституировать, то есть определить.

Я предлагаю тем, кто хочет высказать свое мнение по этому законопроекту, прислать мне по электронной почте свои замечания, с тем чтобы я их обобщил и представил их в Государственную Думу. Таким образом, я предлагаю считать работу нашей секции, работой проведенной в рамках Экспертного совета по вопросам образования Госдумы.

Еще одно положение нового законопроекта наводит на размышление: в концепции предполагается изменить структуру высших учебных заведений, отдельно выделить особый университетский комплекс. Причем упоминаются только федеральные исследовательские институты и университеты, а о высших учебных заведениях вообще не говорится.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Юрий Степанович. В любом законе, специальном юридическом документе существует много подводных камней. Юрий Степанович сказал о том, что в законопроекте слово «учреждения» заменили на «организации». Учредитель должен оплачивать функционирование учреждения. Но если учреждение будет названо организацией, то возможны варианты: совсем не обязательно учредитель и объединившиеся в организацию должны ее финансировать. Возникает вопрос: должно платить государство или кто-то конкретно обязан это делать. Например, в России существуют шесть государственных академий, президентом одной из которых я имею честь быть. Они финансируются из государственного бюджета.

Другой пример связан с Единым государственным экзаменом. Результаты ЕГЭ за 2008 год показали, что математика и русский язык в школе преподаются плохо. Возможно, это так. Но что представляет собой ЕГЭ, как и любой другой способ проверки? Мы устанавливаем некую норму и в соответствии с ней что-то оцениваем. Например, мы установили, что норма для всех, кто занимается прыжками в высоту, — 1 метр. У некоторых людей со взятием этой высоты уже могут возникнуть проблемы, а полтора метра будет совсем трудно преодолеть. Такого рода подводных камней может быть очень много.

Поэтому посмотрите, пожалуйста, текст нового законопроекта об образовании, и, может быть, у вас возникнут идеи, которые следует учесть его авторам.

Е. О. ГАЛИЦКИХ: — Юрий Степанович, результаты ЕГЭ выявили у выпускников вопиющую неграмотность по русскому языку и низкий уровень подготовки по математике. Были ли предприняты какие-либо меры для решения этой проблемы? Или ограничились лишь констатацией факта?

Ю. С. ДАВЫДОВ: — В настоящее время о математике говорят много. Что касается русского языка, то Людмила Алексеевна Вербицкая также борется за то, чтобы были приняты дополнительные меры. Но в настоящее время не осуществляется никакой финансовой поддержки в разрешении этих проблем. Зато имеются «Десять легальных способов достичь высшей оценки на Едином государственном экзамене», опубликованные в газете «Московский комсомолец».

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Коллеги, некоторые высказываются о том, что необходимо отправить в отставку министра образования А. А. Фурсенко. Конечно, многое зависит от личности. Но я считаю, что эту ситуацию хорошо проиллюстрирует отрывок из басни Ивана Андреевича Крылова «Лягушки, просящие царя»:

Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан — так этот слишком лих:
Живите с ним, чтоб не было вам хуже!

На мой взгляд, бороться надо против идей, определенных правил, законов, но я не уверен, что нужно так рьяно бороться против личности.

В. И. АНДРЕЕВ: — Уважаемые коллеги, я разделяю озабоченность присутствующих относительно очередных реформ. В Казанском госуниверситете была написана докторская диссертация, посвященная системному анализу российских реформ. Основной вывод: ни одна российская реформа (начиная с советского периода) не доведена до конца. Причем, как правило, ни одна реформа не финан-

сировалась адекватно поставленным задачам. Многие наработки, которые были сделаны по реформам, практически остались неиспользованными. В этом я вижу российскую беду — мы всякий раз хотим реформироваться.

Недавно я прочитал небольшую книгу о совести. В ней приводится интересный факт: у китайцев сын не имеет права ничего изменять в доме в первые три года после смерти отца. Вероятно, истоки этого — в китайском конфуцианстве. Человек должен осмотреться, для того чтобы понять, насколько он способен изменить то, что было сделано его родителями. Поэтому надо очень бережно относиться ко всему, что наработали наши предки и мы.

Я хочу рассказать о качестве образования, точнее — о гарантированности качества образования и педагогических законах многомерной бинарности в развитии и саморазвитии образовательных систем. Дело в том, что в настоящее время в Европе создано много центров гарантированного качества образования.

В Казанском государственном университете в скором времени будет защищаться диссертация по интеграции учреждений гарантированного качества с учетом зарубежного опыта, в которой проанализировано много зарубежных, в частности европейских, работ. В Европе и России предпринимаются определенные меры. Можно сказать, что существует движение по гарантированности качества образования. Цель — выявить резервные колоссальные возможности, которые еще не использованы. На мой взгляд, самая неиспользованная резервная возможность — это воспитание духовно-нравственной культуры. Знания, умения, компетенции вторичны, если мы не задействуем эту резервную возможность. Стержнем личности, ее созидания является духовно-нравственная культура. Этот пласт в России не использован.

Полгода назад я выступал в Болгарии на конференции по гуманизации образования. Выводы, к которым пришли исследователи: растет толерантность, значит, и духовность, но в то же время в обществе процветают наркомания, преступность, увеличивается количество самоубийств и т. д. Получается, что исследователи говорят об одном, а жизнь течет совершенно в другом русле. Поэтому я поставил задачу — выявить закономерности. Ведь закон отвечает на вопрос, что надо делать.

В образовательной сфере существуют определенные законы, которые нельзя не учитывать (иначе все будет сделано неправильно). В 1991 году с моей помощью был сформулирован закон гарантированного качества образования. Образование в том случае достигает гарантированного качества, если оно переходит в самообразование, воспитание — в самовоспитание, а развитие — в творческое саморазвитие личности. И можно привести много примеров, свидетельствующих о том, что этот закон подтверждается.

Первый пример: Лев Николаевич Толстой создал программу самообразования, в которой расписал план действий по изучению французского, английского, писательского ремесла и т. д. Он выполнил ее не за запланированные 5 лет, а за 3 года. В Ясной Поляне стоят 12 дубовых шкафов с книгами, и в каждой книге Лев Толстой собственноручно сделал пометки. Вот что дает самообразование. Но вы можете сказать: «Это же Лев Толстой». Ничего подобного. Когда я работал в школе, то обратил внимание на то, какие ребята достигают гарантированного качества. Те, которые умеют самостоятельно решать творческие задачи. Если человек может решать эти задачи, то он будет учиться замечательно и далее.

В образовании существуют определенные закономерности. Они лежат в русле многомерных бинарностей. Образование вообще бинарно. И мир бинарен: материальное и духовное, добро и зло, управление и самоуправление,

образование и самообразование, воспитание и самовоспитание, развитие и саморазвитие. Мир, как и образование, — это многомерная бинарность.

В рамках этой многомерной бинарности существуют определенные законы. Закон фазового перехода я уже называл. Он отражает то, в каком направлении мы должны двигать самообразование, чтобы давать устойчивое, а в идеале гарантированное качество образования. Существуют и другие законы, например закон гармонизации одномерной бинарности «контроль–самоконтроль». Если мы постоянно будем кого-то контролировать, то никто не выдержит. Представьте, что вас постоянно контролирует заведующий кафедрой. Очень скоро вы напишете заявление и уйдете. То есть тотальный контроль — это плохо. А какой контроль можно считать хорошим? Тот, который сочетается с самоконтролем. Здесь одномерную бинарность «контроль–самоконтроль» нужно оптимизировать в закон «управление–самоуправление».

Над решением этих проблем много работал Юрий Константинович Бабанский. Но он определял задачу не как многомерную бинарность, а как оптимизацию. Здесь сокрыты огромные резервные возможности. Сколько можно воспитывать? Надо сделать так, чтобы воспитание перешло в самовоспитание.

То есть существуют определенные закономерности. Обобщая, я хочу акцентировать внимание на некоторых законах, сформулированных мною и опубликованных в рабочих материалах к Читаниям. Например, закон коэволюции однородных бинарностей, распространяющийся, в частности, на управление–самоуправление. Если управление «застывшее», то оно не дает результатов. Управление как процесс, деятельность должно эволюционировать с учетом возникающих задач, поставленных целей и т. д. То же самое относится и к репродукции, и к творчеству.

Почему ЕГЭ отвергается общественностью? Дело в том, что не все в образовании сводится к знаниям. Знания — это то элементарное, чего достигает образование. ЕГЭ не оценивает качества образования, не учитывает, например, творческий процесс. В некоторых школах и вузах дается сертификат творческих достижений. И учащиеся, и педагогическая общественность проявляют к нему большой интерес. По 10-балльной шкале оцениваются достижения учеников в учебном и научном творчестве, в спорте, в досуговой деятельности. Ребенок, студент имеют конкретный сертификат и гордятся тем, чего достигли. Речь идет об оценках, которые они получили не только в результате поисков альтернативных ответов, но и благодаря разнообразной, в том числе проектно-творческой, деятельности.

То есть в России имеется колоссальное множество резервных возможностей. Но это множество нужно реализовать для того, чтобы состоялась та личность, которая определяется самостоятельно. В исследованиях мы постоянно проводим идею ориентации на *само-*: на саморазвитие, самоопределение, самоуправление, творческую самореализацию. Этот механизм самодвижения нужно включить.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Валентин Иванович, всегда интересно слушать Ваши сообщения. Возникают вопросы о том, что говорится в законе по поводу того, как поступать, почему все это происходит. Валентин Иванович Андреев высказал интересные идеи о бинарности. Одно дело ремесло, а другое — развитие и саморазвитие.

В. И. АНДРЕЕВ: — Казанский государственный университет издает журнал о саморазвитии, входящий в перечень ВАК. Все желающие могут с ним ознакомиться на сайте университета.

Е. О. ГАЛИЦКИХ: — Уважаемые коллеги! Мир исключительно тесен и открыт. От имени ведущей научной организации я написала отзыв на диссертацию, о которой уже говорилось, — об экспертизе качества с точки зрения иностранного опыта. Как видите, мы работаем в общем пространстве.

В этой уважаемой и авторитетной аудитории я хочу рассказать о трех наблевших и важных моментах. Первый момент — образовательная политика. В жизни наблюдается разрыв между словом и делом, теорией и практикой. Недавно я присутствовала на конференции учителей-филологов Москвы и Московской области. И когда один из докладчиков выразил мысль, что настольной книгой учителя-филолога должен быть стандарт по литературному образованию, зал просто «взорвался» смехом.

Для того чтобы настольной книгой преподавателей и ректоров вузов стал закон «Об образовании», необходимо, чтобы общественное мнение существовало отдельно от образовательной политики. В этом случае возникнет ситуация, когда общественное мнение, образовательная политика и педагогическая наука существуют сами по себе, и никто никого не слышит. Присутствующие на Конгрессе петербургской интеллигенции прекрасно осознают, что интеллигентность начинается со способности к пониманию. И выступление Ю. С. Давыдова было обращено к общественному мнению.

Когда обсуждали ЕГЭ, собрались литераторы, педагоги, на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия. Но нас никто не услышал, несмотря на то что было высказано очень много нареканий, суть которых заключалась в том, что ЕГЭ исключает диалог из процесса образования. Когда программа по литературе была сокращена и экзамен по литературе вообще исключен из образовательного процесса, то это, несомненно, повлияло на духовно-нравственное состояние общества. Потому что ученик перестал ориентироваться на освоение потенциала национальной культуры, а направил свои усилия на достижение внешних показателей, которые, как полагают, объективно оценивают знания.

Для того чтобы кризис был осознан и дал нам возможность развиваться, важно вспомнить мысль Антония Сурожского. Он в знаменитой статье «О встрече» писал, что глобальный духовный, образовательный кризис обязательно предусматривает установку на возможность осмыслить свои ошибки и оценить ресурсы, перспективы. Мне бы хотелось, чтобы эти перспективы распространялись не только на столичное, но и на общероссийское образование.

Вятский государственный гуманитарный университет недавно отметил 95-летие со дня основания. Еще пять лет — и он перейдет в разряд классических. М. Гаспаров говорил, что тексту, чтобы стать классическим художественным, нужно «прожить» сто лет. Классическое образование всегда было основано на фундаментальных научных идеях. И поэтому вторая моя мысль — о сохранении национального, отечественного образования.

В настоящее время происходит глобализация образования. Основная проблема, обсуждаемая на нашем сегодняшнем заседании, — проблема развития высшего образования в новом мировом пространстве. Нам хорошо известно, какое влияние оказывает российская национальная культура на другие культуры, но мы еще не изучили, как влияют другие культуры на отечественную.

Например, сейчас в нашем вузе набраны группы китайских студентов. У нас нет ресурсов, наработанных методик, мы не знаем, как организовывать образовательный процесс, когда в аудитории находятся половина русских студентов, а половина — китайских. Мы говорим на

разных языках. (Если китайцы изучают русский язык, то мы китайский — нет.) Мы не можем точно сказать, как они повлияют на качество нашего образования. Для нас это важная проблема. И. Кон высказал прекрасную мысль о том, что студенты рождаются в одной стране, учатся в другой, работают в третьей и отдыхают в четвертой. В России появился новый тип студентов, которых преподаватели не знают. Они для нас мир, который еще следует открыть, они знают больше языков, чем их преподаватели, и требуют особых форм диалога для общения, понимания друг друга.

Глобализация имеет и положительные, и отрицательные стороны. Диалог, диалоговая позиция преподавателя высшей школы всегда была сильной стороной отечественного образования. Поэтому, наверное, настало время не только с восхищением смотреть на Запад, но и очень внимательно изучать собственные достижения и ресурсы. Российские студенты, которые приезжают из-за границы, пройдя стажировки в других иностранных вузах, говорят о том, что им бы очень хотелось в той образовательной среде, в той материальной структуре увидеть мастерство наших преподавателей. Также они высказываются о том, что российская система общения преподавателя и студента ярче, человечнее, гуманнее и интереснее, чем то взаимодействие, которое происходит в Болонской системе образования.

Третий момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. Диалог, его тенденции и развитие, влияние на образование отчетливо видны. Но с введением ЕГЭ диалог исчезнет из общения ученика и преподавателя. На конференции в Москве главный редактор журнала «Педагогика» сказала: «Уважаемые коллеги, необходимо начать заниматься духовно-нравственным воспитанием молодежи». Услышав это, я подумала: чем же мы занимались до этого? Наверное, пора уже осмысливать ошибки и недостатки этого воспитания, а не начинать его.

Мне бы очень хотелось, чтобы мы не только писали книги, но и читали все то, что написано до нас, изучали исторический опыт отечественного образования, сохраняли совершенно уникальную традицию — диалоговую позицию наших преподавателей высшей школы, потому что она является достижением национального отечественного образования.

Я хочу поблагодарить СПбГУП за то, что он сохраняет прекрасную традицию встреч профессоров, академиков вузов разных регионов нашей страны. Тем самым он поддерживает в нас надежду на то, что в Петербурге и Москве будут решаться важные для нас проблемы.

Если погубят отечественное образование в провинции, то это скажется и на качестве образования в столице. А закрыть все вузы, которые работают в регионах, очень просто, достаточно только перевести их на коммерческую основу. Благодарю за внимание.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Елена Олеговна, за интересное выступление. Я надеюсь на то, что будет сформирована такая образовательная область, как духовно-нравственная культура, с широким выбором возможностей в воспитании, прежде всего в духовно-нравственном. Один изучает религию и ее точку зрения на воспитание; другой — историю различных религий или светскую этику. Это большой специальный вопрос.

В. В. ГОРШКОВА: — Прежде всего я хочу сказать: замечательно, что сегодняшнее секционное заседание представляет импровизированный диалог. Возможно, наши идеи повлияют на принимаемые в Москве законодательные акты. Если это произойдет, то, вероятно, тогда мы сможем сдвинуть дело с мертвой точки.

Закон 1992 года «Об образовании» можно рассматривать как судьбоносный. Когда был принят первый закон, все ликовали: это был первый закон новой России об образовании. Те пять положений (возможно, больше) ведущей образовательной политики, которые в нем были заявлены, остались неприкосновенными. Это свобода, плюрализм, выбор, адаптация под возможности ученика и воспитанника (то есть система образования должна адаптироваться, а не ученик под систему), гуманизация и т. д.

Позднее по поводу этого закона высказывалось много негативных мнений. Сегодня мы совершаем ту же ошибку. Те анонимные авторы, ученые или политики, которые создают новый закон, не помнят об этом. На мой взгляд, они все понимают и делают это концептуально.

Известно, что любая идея, тем более российский закон, рождается и живет не в изолированном сознании отдельного человека. Если она возникнет в изолированном отдельном сознании, то будет уничтожена, это мертворожденное дитя. Но тем не менее она будет требовать исполнения, а следовательно, будут задействованы все механизмы, включая фискальные, финансовые, и т. д. Новая идея или начинание может жить, только находясь в отношениях с другими, возможно даже чуждыми, идеями. Когда мы объединяем их, возникнет что-то другое, новое.

Я поддерживаю идею о том, чтобы собрать и обобщить высказываемые нами предложения с перспективой сохранения и преумножения традиций, достижений (которые у каждого здесь имеются) и представить их в отечественном образовании. На местах много делается для реализации закона, и, может быть, даже больше, чем прописано в законе.

Сегодня человек живет не просто в мире, а в бытии с другими людьми, даже если находится наедине с собой. Поэтому стремление быть с другими, но при этом оставаться собой, развивать себя — это самая важная идея.

Хотелось бы сказать о нашем участии, общественном влиянии в обсуждении закона до его принятия. Николай Дмитриевич Никандров, возможно ли собранную информацию блоком отправить в Госдуму, заявить о том, что думает общественность? Даже если это ни на что не повлияет, то у нас хотя бы совесть будет чиста, что мы это сделали.

Я поддерживаю идею самости. Безусловно, она должна быть прописана в законе. В педагогике существует проблема субъекта, вообще диалогических отношений, включения непосредственно обучаемых людей, участвующих в образовательном процессе, в то, чтобы они сами, своими усилиями помогли себе. Задача педагогов — создать для них условия (своими идеями, участием). Если будут созданы условия, то человек, которого мы учим, точнее — с которым мы взаимодействуем в образовательном процессе, сам начнет себя творить, двигать и т. д.

Безусловно, важен не только диалог. Я написала книгу «Диалог в образовании человека», имея в виду образование не в смысле знаний, а как человеческий и божественный образ человека. Если мы будем думать о том, что все зависит только от человека, а реформы будут продолжаться, то, на мой взгляд, в конечном счете государство снимет себя тотальную ответственность за образование, людей, развитие, представление нации всему миру и т. д. Но параллельное движение, развитие российского человека, нации, которая выживет в любых условиях, не исчезнет. Мы видим, как нация сохраняет, преумножает и придает импульс для того, чтобы жизнь не прекращалась в лучших ее проявлениях.

Не случайно сегодня актуально обращение граждан к духовности. Недавно в Москве прошла конференция по взаимодействию духовных религиозных и светских концепций. Все парадоксально меняется, и, наверное, можно

наладить диалог со всеми. М. М. Бахтин говорил, что необходимо найти невозможные точки соприкосновения для того, чтобы выжить самим и России, а значит, всему человечеству. Я также советую прочитать книгу В. Сорокина «День опричника».

Конфуцию принадлежит фраза, которую мы всегда обсуждаем со студентами на семинарах: «Если встретишь учителя — убей его». Что это значит? Я не знаю. Диалог, умение жить, вместе сотворять друг друга дают возможность, наряду с государственной концепцией и законами, проводить человеческую национальную, народную политику образования, жизни и бытия. В этом случае, наверное, диалог будет продолжен после нас, и, может быть, даже лучше, чем при нас. Спасибо.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Валентина Владимировна. К вопросу о влиянии. Влиять, конечно, можно и нужно. Я приведу два конкретных примера. Один касается Российской академии образования. В. В. Путин недавно утвердил перечень учреждений, подведомственных нашей Академии. Соответственно государство обязано их финансировать. Эта работа потребовала целого года. Приходилось много беседовать, вести диалог с Министерством финансов РФ, Министерством экономического развития РФ, Министерством образования и науки РФ о том, чтобы утвердили список этих организаций (его хотели сократить, что-то добавить, изменить по номенклатуре и т. д.). Это наш личный узкий вопрос.

Другой пример более важный. На общем собрании РАО мы приняли обращение к четырем руководителям — Д. А. Медведеву, В. В. Путину, Б. В. Грызлову, С. М. Миронову — по поводу работы СМИ и их роли в воспитании. Это не новый вопрос, но он всегда актуален. Мы получили согласованный ответ через Министерство спорта, туризма и молодежной политики, в котором говорилось о том, что они разделяют нашу озабоченность. Но в то же время подчеркнули, что СМИ — это свободные организации, с ними необходимо вести диалог, что мы, конечно, делаем. В ответе было написано много хороших слов о нашем обращении, про нашу озабоченность, но была поставлена точка.

Одновременно президент дал поручение представить предложения по повышению ответственности средств массовой информации за публикации, которые отрицательно влияют на воспитание молодого поколения. Так что влиять можно и нужно. Давайте помнить об этом и поступать соответствующим образом.

В. М. ПОМЕРАНЦЕВ: — Существуют две области разных проблем. Одна большая, чрезвычайно сложная, связанная с управлением, организацией, с законами, с проблемой управления образованием вообще. Другая область соотносится с сущностью образования. Это уже не управление, а физическая сущность образования. И в этом случае сельская учительница и присутствующие здесь специалисты, профессионалы выступают на равных.

Без разделения на образование и обучение всякое обсуждение и попытки улучшить или ухудшить положение беспредметны. Суть образования, даваемого на первом этапе жизни, когда человек еще не приступил к практике, заключается в том, что доля воспитания, когда образование и воспитание смешаны, составляет по крайней мере не менее половины.

Сложность и сущность современного этапа заключается в том, что с переходом ко всеобщей компьютеризации, распространением Интернета компонент «воспитание» значительно изменился и усложнился. Сложность — в том, чтобы компенсировать влияние компьютеризации, Интернета на воспитание (не на процесс образования,

а только на воспитание). Можно утверждать, что на воспитание компьютеризация и Интернет влияют негативно. Необходимо восполнить этот фактор, который устранился, ликвидировался в связи с компьютеризацией и появлением Интернета.

Образование делится на две части. Во второй части, связанной с профессиональным образованием, воспитание как таковое отсутствует. И мы этот компонент туда не можем поместить, потому что по условиям ему там нет места. Самое главное — что плоды воспитания, которые человек пожинает на этапе обучения, не связанного с практической жизнью, мизерны. Однако есть одно «но». Всякое обучение должно заканчиваться клятвой, подобной клятве Гиппократова, — не навреди. Человек с высшим образованием (и не только с высшим) управляет сложными, огромными, колоссальными системами, которые влияют на людей и окружающую среду, поэтому необходимо использовать элемент морального воздействия — не навреди людям, матери Земле, грядущим поколениям. В этом плане воспитание на стадии обучения должно обязательно заканчиваться.

Я хотел бы сделать ремарку по поводу выступления Юрия Степановича Давыдова: может быть, хорошо, что в России реформы не доводятся до конца?

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо Вам. Хотелось бы многое сказать, но остановлюсь на одном моменте. Приведу пример «замечательного» влияния Интернета. Некоторое время назад я имел удовольствие беседовать с одной трехлетней девочкой. «Ты любишь петь песенки?» — «Люблю». «А какие песенки ты любишь?» — «Песенку про гусей». Набрал соответствующее название, я обнаружил, что в Интернете ничего подобного нет. Я предложил поступить иначе: «Ты помнишь, как в фильме про Буратино зовут черепаху?» — «Тортилла». — «Давай нам Тортилла споет песенку». Действительно, после того как я набрал в поисковой интернет-системе словосочетание «песенка Тортиллы», задача была решена. Появилась картинка: поет Рина Зеленая, и цитируются, как в караоке, слова этой песни. Но по бокам экрана компьютера показывали порнографию (фото, видео). Трехлетняя девочка ничего не поняла, но если бы ей было не три года, а немного больше, скажем, девять? Я вовсе не против этого, но хочу, чтобы подобная информация была не так общедоступна. Свобода предполагает ответственность, но если ее нет, то могут быть самые неприятные последствия.

А. А. ОРЛОВ: — Уважаемые коллеги! Мне бы хотелось раскрыть следующие положения. Мы говорим о диалоге в образовании, прежде всего в высшем профессиональном. Само образование можно рассматривать как поликультурный диалог. Но, к сожалению, в настоящее время образование культивируется как монолог преподавателей. Это показывает и опыт, и специальные исследования: студенты и вузовские преподаватели из всех форм организации обучения больше всего ценят лекцию. Причем большинство студентов предпочитают лекцию, которая проводится в форме предметного диктанта, чтобы можно было записывать. То есть сохраняется старая советская система образования (лекция как предметный диктант была популярна при советской власти, знания всех должны быть одинаковыми).

Но если говорить о диалоге, то ситуация меняется. Можно по-разному относиться к компьютеризации и Интернету. Но компьютеризация жизни изменила образовательное пространство и характер его получения, ведь сегодня существует некоторое количество детей, получающих образование вне школы. То есть меняется сам характер социальных институтов, дающих образование.

Постмодернисты вообще отрицают роль школы в получении качественного образования в современных условиях. Сегодня культивируются дистанционные формы организации обучения.

Каков образ современного студента в представлении преподавателей? Сегодняшних студентов можно характеризовать по-разному, но я их называю «жертвами ЕГЭ»: они практически не могут учиться. Кризис I курса затягивается надолго, у многих он переходит в кризис второго года обучения. А каков образ преподавателя у студента? Ведь для того чтобы мотивировать студентов учиться, развивать субъектность студента в образовательном процессе, необходимо, чтобы они видели перед собой успешного преподавателя.

Что представляет собой успешный преподаватель? Это вопрос об аксиологическом аспекте образования и нашей жизни, о ценностных ориентациях. Каковы главные ценностные ориентации студентов и их представление об успешности? Елена Олеговна Галицких говорила о необходимости культивировать традиции в национальном образовании. Действительно, у студентов разные модели жизни, разный менталитет.

Недавно были опубликованы результаты интересного исследования, связанного с определением ценностных ориентаций американских и отечественных студентов через отношение к тому, как оценивают одни и другие, что такое успех и помощь. И выяснилось, что студенты разные. Для российских студентов успех — это прежде всего эмоциональное состояние, а для американских прагматиков — это карьера. Для наших студентов помощь — это позитивная часть жизни, для американцев — унижение.

Но я бы хотел сказать, подчеркивая диалоговый характер образовательного пространства, о необходимости выстраивать это пространство на основе выявления межпоколенческих, этнических, возрастных и других различий индивидуальной и социальной культуры студентов и преподавателей. Естественно, что у преподавателей и студентов разный уровень индивидуальной и социальной культуры. Современные студенты обычные с нашей точки зрения слова просто не понимают, поэтому в процессе лекции они пытаются декодировать ту информацию, которую до них доносит преподаватель. А потом на экзамене преподаватели пытаются декодировать то, что рассказывают в своих ответах студенты.

В связи с этим я хочу обратить внимание прежде всего на необходимость изучения особенностей студентов с целью формирования и развития их познавательного потенциала. Сегодня мы можем впасть в крайность, когда будем реализовывать стандарты третьего поколения, начнем формировать компетенции, не совсем понимая, что это такое, и не затрагивая других сфер человеческой личности. Необходимо избежать этой ошибки и на диалоговой основе формировать познавательный потенциал студентов. К сожалению, образовательный процесс в вузе часто ограничивается лишь учебной деятельностью студентов. Результаты наших и других исследований свидетельствуют, что в исследовательской работе в гуманитарных вузах участвуют менее 10 % студентов. И, как ни парадоксально, сегодня, когда студенты пишут выпускную квалификационную работу, абсолютное большинство из них не считают, что это участие в исследовательской работе.

Если мы не будем культивировать диалоговый характер образовательного процесса, то не получим тех результатов, которые нам необходимы.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Александр Андреевич. Вы сказали о том, что в советское время существовал предметный диктант. Но он был распространен и ранее. Приведу пример. Гёте в «Фаусте» приводит слова Мефи-

стофеля, который разговаривает с будущим студентом: у вас есть пять часов в день (тогда столько длились занятия), чтобы хорошо подготовиться, проштудировать все параграфы. Самое главное — чтобы вы видели, что профессор ничего не говорит, кроме того, что написано в книге. Это буквально сказано Мефиштофелем; имелась в виду немецкая высшая школа XIV века.

Следует отметить, что не все понимают, что такое компетенции, о которых говорил Александр Андреевич Орлов. Они стали использоваться как способ подготовки программ, стандартов и т. д. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в Америке было замечено, что учителя стали готовиться хуже, потому что они много занимались теорией и мало — практикой. Сравните с тем, что происходит сейчас. Тогда была составлена программа подготовки учителя на основе профессиональной компетенции. В ней было отмечено, что изучение теории образования начиная с Яна Амоса Коменского — это положительный момент, но также важно «провести» образовательную теорию через систему компетенций, то есть учебной практики.

В. В. ГОРШКОВА: — Александр Андреевич, Вы сказали, что надо культивировать образовательный потенциал. Почему только образовательный? Может быть, и онтологический, и познавательный? Это тоже диалог, причем не только субъектов.

С. С. ЛЕБЕДЕВА: — Я буду говорить с позиции кафедры социальной работы. Юрий Степанович Давыдов коснулся ряда очень актуальных проблем, связанных с образованием. Особенно меня озаботило и даже почти испугало положение, которое сейчас, возможно, будет практиковаться, что образовательные учреждения заменяются образовательными организациями. Это тревожно вообще для образования, особенно для образования социально незащищенных групп населения, в частности инвалидов.

В России примерно 11–14 % населения — это люди с ограниченными возможностями. Они представлены во всех системах образования — от дошкольного до высшего. Именно образование, образовательные учреждения дают возможность таким людям в дальнейшем адаптироваться (хотя и не всегда полностью) к социуму. В последние годы мы наблюдали положительные тенденции в этом направлении: создавались новые образовательные учреждения для этой социальной группы; нам помогали зарубежные партнеры; появились замечательные инновационные учреждения для маленьких детей, которые имеют различные психомоторные, психосенсорные ограничения, и т. д. Например, в Санкт-Петербурге действует единственное в России учреждение, которое было создано немецкими партнерами, — это Санкт-Петербургский профессионально-реабилитационный центр, дающий профессиональную подготовку людям с инвалидностью.

Если в законе будет зафиксирована тенденция умаления роли этих учреждений, то большое количество людей, в основном детей, будут лишены поддержки государства. Более того: за последние несколько лет были проведены два больших круглых стола, посвященных данной проблематике, а 20 мая 2009 года состоялась конференция с участием преподавателей и инвалидов, которые исследуют эту тему. Кстати, вопросами непрерывного образования инвалидов мы начали заниматься в Институте образования взрослых РАО под руководством академика Конушкина.

В последние годы мы наблюдаем тенденцию, когда за счет систем сопровождения, которые стали организовываться в этих образовательных учреждениях, можно было социализировать, адаптировать эти группы населения. Поэтому, учитывая все положения об образовательных учреждениях, нужно иметь в виду и защиту этой социаль-

ной группы, а также других социальных групп, которые тоже нуждаются в образовательных учреждениях.

Так как речь идет об историко-культурном диалоге, то мне хотелось бы напомнить о том, что Россия может гордиться своей системой образования. Уже в середине XVII века существовала Киевская духовная академия, которая разработала все основные положения, известные сейчас в системе образования: задачи, цели, содержание образования, формы образования, кадры. Там осуществлялась многоступенчатая подготовка кадров. Вообще была разработана вся система духовного образования, которая в дальнейшем была принята в России как система образования вообще (типы учреждений со всеми функциями и т. д.). Ничего нового впоследствии не придумали, за исключением новых терминов и категорий, которыми «обросла» эта совершенно уникальная и замечательная система. Самое главное — эта система отличалась особенным духовно-нравственным потенциалом.

Приведу один пример. Например, дети, которые поступали в младшие классы Киевской духовной академии, должны были жить либо при академии, либо на квартирах у родственников, либо родители специально снимали им квартиру. Тот человек или та семья, которая брала ребенка на этот период жизни, несла за него полную ответственность. Она должна была не только кормить, одевать его и т. п. Этот ребенок, приходя домой и выполнив домашнее задание, должен был рассказывать вслух все уроки. И если ребенок не выполнял и плохо занимался, то тогда эта семья или родители несли полную ответственность за него. Причем больше всего обращалось внимания именно на духовно-нравственное воспитание этого ребенка: насколько он проявил доброту, кому оказал помощь, был ли уважителен со старшими и т. д. То есть в России существует совершенно удивительный опыт образования и воспитания.

В дальнейшем императрица Екатерина II поддерживала эту систему. Видя, что духовное образование обладает большим патриотическим, духовно-нравственным потенциалом, она рекомендовала, чтобы дети из духовного сословия продолжали карьеру своих отцов. В специальных указах поощрялось, чтобы мужчины из многодетных семей имели возможность поступать на гражданскую и военную службу. Если посмотреть биографии замечательных российских писателей, военачальников, то можно увидеть, что их предки — это духовные лидеры, духовные лица. Например, семья Милорадовичей и многих других героев войны 1812 года. Поэтому нам нужно более уважительно относиться к заслугам предков, помнить их и приумножать их заслуги. Благодарю за внимание.

Ю. В. СЕНЬКО: — Спасибо, Николай Дмитриевич. Уважаемые коллеги, хочу поделиться с вами некоторыми соображениями по поводу общей ситуации. И это не только моя личная оценка образования, она совпадает с оценкой некоторых уважаемых мною людей. Мне кажется, что от образования сегодня «отлетает» дух, и мы являемся свидетелями тому и в определенном смысле участниками этого. Чего стоит признание нашей профессиональной педагогической деятельности как рыночной услуги. Один из героев Федора Михайловича Достоевского заметил: «И хоть жизнь наша... выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня». Жизнь, конечно, богаче, возвышеннее и значительнее...

Речь идет о том, что, конечно, жизнь больше, шире, чем наука, искусство, даже культура. Педагогика тоже жизнь, но только в культуре. Это жизнь человека, становящегося в этой культуре, в своей духовно-практической деятельности.

Когда мы ведем разговор об образовании, возникает справедливый вопрос: зачем я стал педагогом? Я задавал этот вопрос в различных аудиториях и получал разные ответы: чтобы связать настоящее с прошлым; помочь социализироваться, войти в культуру; объяснять, помогать и др. Я отвечаю следующим образом: педагоги нужны для того, чтобы помочь ученику, студенту связать чужую общественно-историческую культуру и опыт с его духовным опытом. Усвоить — значит объединить продукты чужого опыта с общественно-историческим. И если такого слияния не происходит, ни о каком усвоении, тем более развитии речи быть не может.

Тема Лихачевских чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Имеется в виду не диалог между культурами народов или эпохами (Античности, Нового времени, Средневековья). Речь идет о диалоге культур, которые встречаются в реальной образовательной практике. Как я себе это представляю, нет преподавателя, студента, учителя, ученика и тем более нет воспитателя и воспитанника. И когда Конфуций говорил: «Встретишь учителя — убей его», я думаю, что имелось в виду не физическое устранение другого лица. Из всех преступлений человечества самое большое — это воспитание. Имеется в виду навязывание своих представлений, оценок, смыслов и всего остального. И это убийственно.

Кто же есть, если нет преподавателя и студента? Есть живые люди, которых образование свело друг с другом. Именно выстраивание возникающих при этом отношений является фундаментальным условием, в том числе и качества образования. Педагогический процесс принципиально не определен и не определяем. В свое время А. С. Макаренко, которому очень многое удавалось, говорил, что каждое наше воспитательное действие, решение любой педагогической задачи связано с риском.

Итак, обратимся к диалогу. Для меня важно, что происходит встреча. Образование, реальная образовательная практика — это встреча культур.

Идеологическое клише «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» определило развитие отечественного образования на 70 с лишним лет. Но в реальной образовательной практике встречается не только старшая мертвая культура, но и живые люди, которых образование свело друг с другом, то есть культура студента, в том числе его жизненный опыт, и культура преподавателя, в том числе его профессиональный опыт. Взаимодействие этих трех культур — это три кита, на которых строится реальная образовательная практика.

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на существенное отличие содержания образования от содержания обучения. Содержание образования всеобщее — это стандарт, оно черпается главным образом отсюда. А содержания обучения не существует до того момента, пока не начался процесс. Содержание обучения создается здесь и сейчас на основе диалога, через мое обращение к другому, к каждому из вас за «сомыслием», сочувствием и содействием.

В одной книге конфессионального характера написано, как следует образовывать послушника. Нужно, чтобы послушник познал религиозную истину, а познавши — полюбил, полюбив — начал действовать. Итак, знать, относиться, действовать.

На мой взгляд, существенное отличие обучения от воспитания заключается в ответе на вопрос, к какой по структуре личности мы обращены. В обучении мы обращены к интеллектуальной и когнитивной личности, а в воспитании — к эмоциональному посылу. Это принципиально, потому что, не прожив, не прочувствовав, «и не повернув

головы кочан / и чувств никаких не изведав, / берут, не моргнув, паспорта датчан / и разных прочих шведов».

Диалог культур — это не какая-то абстракция, а конкретное отношение людей, которых образование свело друг с другом. Возникает вопрос, что происходит в рамках этого отношения. Важно, что эту позицию в первую очередь определяет тот, кто профессионально занимается образованием, то есть педагог. А для того чтобы педагог встал на соответствующую диалогическую позицию, он должен сместить акцент от предмета, объяснения (а мы все предметоцентристы) к пониманию, основываясь не на абстрактных воспитании, самовоспитании, обучении, самообучении, развитии, саморазвитии.

В свое время это корректно было показано исследователем Бабанским, но совершенно с других позиций. При обсуждении темы оптимизации процесса обучения он говорил о методах, потому что центральным отношением, которое интегрировало педагогический процесс и придавало ему педагогический смысл, была идея взаимодействия. Это было примерно в 1975 году. Я написал по этому поводу статью «Анализ категорий мира в теории оптимизации процесса обучения», опубликованную в новых исследованиях «Педагогических наук». Чтобы процесс был оптимален, необходимо наличие следующих групп методов обучения: организация и самоорганизация, стимулирование и мотивация, контроль и самоконтроль, оценка и самооценка. На их основе оформлялась позиция, которая помогала оптимально выстраивать этот процесс.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо. Коллеги, позвольте высказаться по поводу интересного выступления Юрия Васильевича Сенько. У Юрия Васильевича жесткое разграничение между нашей культурой и развивающейся. Дело в том, что Юрий Васильевич не сторонник политической культуры, последователи которой еще остались.

Проезжая мимо гостиницы «Октябрьская», расположенной напротив Московского вокзала, на другой стороне Лиговского проспекта, я вспомнил, что раньше этот дом назывался ГОП (государственное общежитие пролетариев), а жившие там люди — гопниками. Они вели себя плохо, нападали на людей, отнимали у них кошельки и пр. И мне пришла в голову мысль, что Пушкин писал о правах человека в следующем стихотворении:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
И не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать...

И особенно:

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.

Это и про журналистику, и про права человека, и про политэкономия и т. д. Я хотел бы поблагодарить Юрия Васильевича Сенько за то, что он обратился к теме Чтенный — диалогу культур. Предполагалось, что мы будем говорить прежде всего об этом, но на заседании секции был смещен акцент с учетом ее названия — «Обучение и воспитание молодежи в поликультурном мире».

Т. А. СКОПИЦКАЯ: — Я благодарна ораторам, которые выступали до меня, потому что многое из того, что я хотела затронуть и о чем хотела рассказать, уже прозвучало. Я не так долго и много занимаюсь научными исследова-

ниями и больше отношу себя к практикам, чем к теоретикам, но тем не менее внести какие-то предложения и сделать определенные выводы я могу. Мое выступление будет перекликаться с положениями предыдущих докладчиков.

Мы говорим о том, что следует изменить в образовании. Я в основном работаю с учащимися средней школы. Специалисты, которых готовит высшая школа, приходят и вливаются в коллектив преподавателей и работают с ребятами именно среднего звена. От того, как мы подготовим учеников средней школы, зависит то, какие студенты будут учиться в высшем учебном заведении.

Как отмечалось в докладе Международной комиссии по образованию для XXI века, система образования, прежде всего школьная, застыла и целиком погружена в прошлое. Используются устаревшие методы для передачи устаревших знаний, вызывающих скуку у школьников и студентов, а иногда и отвращение к учебе. Следовательно, изменив подходы к содержанию образования и ценностям образования и обучения, можно создать новую модель образовательной системы, соответствующую реалиям и перспективам сегодняшнего времени.

Одна из ведущих тенденций развития образовательной сферы сегодня — это смена образовательной парадигмы, когда образование становится универсальной ценностью, а человек рассматривается не как орудие и средство достижения экономических целей, а как самоценность, подчиняющая экономические задачи его развитию и благополучию.

И здесь хотелось бы обратить внимание на то, что когда мы сегодня говорили об общем образовании, о структуре, редко звучали высказывания об отдельном ученике, с которым работают педагоги. Мы свои выступления ориентировали прежде всего на то, что представляли концепцию системы образования, приемов, подходов, содержания, и уже на втором плане рассматривали тех, с кем мы работаем, кого мы обучаем.

Последние четыре года я много занималась разработкой направления, связанного с устойчивым развитием. В 2005 году ООН объявила Десятилетие образования в интересах устойчивого развития. В принципе ничего нового для учителей и преподавателей эта система не содержит. Инновационным оказалось то, что на первое место были выдвинуты вопросы воспитания и деятельности, активности ученика, который должен принять идеи устойчивого развития.

Эта программа позволяет воспринимать мир целостным — это природа, общество, человек. В этом случае интегрируется предмет, и математика, физика, литература не рассматриваются отдельно, а создаются программы, позволяющие показать, что мир целостный и изъять из этого мира какое-либо звено просто нельзя. Человек — часть этого большого мира.

В Санкт-Петербурге в течение двух лет проводился эксперимент школы общественного признания, когда непосредственно школы вырабатывали критерии оценки своей деятельности и определяли пути развития с целью создания ученика, конкурентоспособного и на рынке труда, и при поступлении в высшее учебное заведение. Результаты еще до конца не подведены, но десять школ, которые участвовали в этом эксперименте, на заключительном мероприятии рассказали о том, как улучшилась успеваемость учащихся, как изменились сами ученики, насколько возросли их потребности в обучении не только в школе, но и в желании читать дополнительную литературу, общаться с людьми. Сейчас без подробных результатов сложно о чем-либо говорить, тем не менее инициатива снизу иногда бывает полезной и приносит положительные результаты.

Хотелось бы остановиться на двух статьях, которые появились совсем недавно и размещены в Интернете. Они служат доказательством того, что процесс устойчивого развития в настоящее время очень важен, и образование для устойчивого развития имеет не меньшую ценность. Это статья Миренко, в которой показывается, каким должен быть человек, чтобы обеспечить устойчивое развитие. Автор говорит о нравственности человека, саморазвитии, самопознании, устремленности к изменениям, об отвлечении от тех материальных благ, которые сейчас приоритетны, и направлении его к мысли, что человек может быть счастливым и удовлетворен именно своим саморазвитием, самопознанием мира, в котором он живет. Вторая большая статья — это исследование О. Л. Кузнецова и Б. Е. Большакова под названием «Мировоззрение и теория устойчивого развития в системе «природа—общество—человек»». Прочитав эти статьи, можно понять причины кризиса, происходящего сейчас в стране.

Кризис заключается не в том, что у нас нет ресурсов, рабочей силы, а в том, что денежные накопления, не обеспеченные товаром, привели к той ситуации, с которой в настоящее время не могут справиться страны всего мира. Если мы будем ориентироваться на то, что каждый человек работает и может купить необходимые ему вещи, что это не сверхприбыль, не установка на то, что у меня должно быть больше, чем у других, то, возможно, результаты обучения в высших и средних учебных заведениях будут значительно выше, человек будет ориентирован на саморазвитие, самопознание, познание того мира, в котором он живет. И даже прогнозируемый эколого-социальный кризис, наверное, станет менее угрожающим для нашей планеты. Благодарю за внимание.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Татьяна Анатольевна. Хочу добавить, что устойчивое развитие — это достаточно старая идея, не 2006 года. Но в образовании действительно она появилась позднее. Дословный перевод с английского языка — поддерживающее развитие. Это более точное название: то есть то, что не потребляет имеющееся, а, наоборот, поддерживает его. Интерес представляет высказывание Татьяны Анатольевны Скопицкой о счастье. Было предпринято много попыток рассмотреть, что такое счастье, не в общефилософском плане, а в социологическом: в какой стране люди ощущают себя счастливыми — в развитых и богатых или в других? Оказалось, что между деньгами и счастьем не существует прямой корреляции. Выяснилось, что деньги не самое главное условие для счастья. Без них плохо, но это не самое главное.

В. А. КОЛЕСНИКОВ: — На мой взгляд, следует заниматься не разработкой проекта нового закона «Об образовании» и его принятием, а начать с совершенно иного — с прояснения образовательной ситуации на научном, научно-теоретическом, объемно-философском уровнях. Прежде всего необходимо ответить на вопросы: что представляет собой образование сегодня? Какова его миссия в XXI веке? Каково предназначение образования в наше время?

На мой взгляд, необходимо начать с определения на научно-теоретическом уровне картины образовательной реальности современного и будущего периодов для того, чтобы мы имели перед собой ориентиры, перспективы для последующего развития. Почему следует говорить именно об этом? Потому что разразился мировой экономический кризис; современная цивилизация чрезвычайно противоречива. С одной стороны, она действительно опирается на многовековые культурные традиции, с другой — активно содействует массовой индивидуализации

социума. А индивидуализация как таковая отказывается от традиций.

Необходимость прорисовывания картины образовательной реальности сегодня объясняется еще и тем, что современному образованию XXI века необходимо ответить на целый ряд вызовов. Я думаю, что образование, которое мы имеем сегодня, на эти вызовы не ответит. Речь идет о вызовах глобализации. Глобализация — это естественный процесс, бороться с ней бесполезно. Но, на мой взгляд, обновленное образование, наверное, смогло бы решить проблему смягчения последствий глобализации для человека. Также речь идет о вызове информатизации, о все большем погружении человечества в окружающую его искусственную среду. Имеется в виду кризис современной семьи и семейных отношений, кризис межпоколенческих отношений. Главным, на мой взгляд, является мировоззренческий вызов.

Способно ли современное образование изменить ориентированность человека в мире, чтобы он не только был исполнителем чьей-либо воли, указаний и распоряжений, но и обладал собственными принципами и убеждениями, самостоятельностью, критичностью, конструктивно-созидательной позицией в жизни?

Начать следует с проведения экспертизы инноваций, применяемых в педагогической практике, потому что далеко не каждая инновация, которой мы присваиваем этот статус, таковой является. Необходимо перевести отдельные, разрозненные инновации на уровень системных инновационных образований. Я бы дополнил современную педагогическую науку, в том числе об образовании, которая грешит очень узкоспецифическим взглядом на образование, целым рядом акцентов (как сказал Юрий Васильевич Сенько) и в большей степени — идеями и методами непедагогических по своей сути наук, таких как искусство, где царствует полноценная индивидуальность, герменевтика, психоанализ, психотерапия и т. д.

В философской автобиографии Николая Александровича Бердяева «Самопознание» сформулирована ценная мысль: педагогика, удовлетворяющая требованиям одной эпохи, может быть совершенно непригодна для другой и абсолютно вредной для третьей. Мне кажется, для того чтобы не случилось последнего, необходимо обновить понимание образования и самой педагогической науки, которая в настоящее время является одним из главных средств ее формирования. В современной реальной образовательной практике необходимо говорить о реализации свободы для личностного развития ученика, школьника, студента.

Николай Александрович Бердяев также высказал интересный взгляд о том, что каждый человек должен пройти через свободу, испытание свободой, воспитание в себе способности отторгать соблазны свободы. И когда мы пройдем через это, то сможем определить новые ориентиры в образовании.

В XXI веке мировоззренческой концепцией должна стать концепция образовательного развертывания личности. Я согласен с пониманием личности с точки зрения психологии, социологии и целого ряда других наук, но, на мой взгляд, XXI век требует объемно выраженного понимания и толкования личности и ответа на вопрос: где сегодня начинается личность? В современных условиях мы имеем дело с обучением, воспитанием и образованием. Современное обучение и воспитание все больше расходятся с образованием как таковым, потому что у них совершенно разное предназначение.

Сближить, реализовать диалог в современных условиях между обучением, воспитанием, образованием помогла бы работа по становлению полноценной личности. На мой взгляд, полноценность учебно-воспитательного процесса заключается в том, что этот процесс под руководством

опытного, мудрого, квалифицированного педагога должен подвести человека к ситуации выбора, к реализации и наполнению жизни смыслами, помочь ответить на вопрос, кем он в жизни будет. До тех пор пока этого не произойдет, мы будем говорить только об обучении и воспитании, а не об образовании. Здесь уместно привести строки из стихотворения Мандельштама:

Я и садовник,
Я же и цветок.

Только в том случае, когда человек будет себя образовывать, можно говорить об образовании, или об образовании себя, о чем упоминал Гегель в своей работе «Философская пропедевтика». У Омара Хайяма есть замечательные рубаи, одно из которых гласит:

Все, что видим мы, — видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.

Нам необходимо с позиции XXI века, тех принципиальных изменений, которые происходят в реальной действительности, попытаться создать образ образования. Видному отечественному ученому, мыслителю Сергею Петровичу Капице принадлежит емкая мысль: «Не понимая масштабов изменений, невозможно создавать новое». Поэтому когда мы будем рассматривать образование как производное от социальной действительности, которая принципиальна и на 200 % стала иной, тогда мы сможем успешно решать те проблемы, которые стоят сегодня перед нами, и принимать нужные нам законы. Спасибо.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Виктор Алексеевич. Уже много написано о том, что представляет собой образование в XXI веке. Здесь следует упомянуть книгу Я. М. Нейматова «Образование в XXI веке: тенденции и прогнозы». С этими работами, конечно, можно поспорить. В подобных исследованиях представлены попытки рассмотреть, что такое автономный человек со своим представлением о мире и о себе. Но, конечно, к этим темам нужно постоянно обращаться.

Ю. В. СЕНЬКО: — Виктор Алексеевич, я хотел бы сказать, что мысли, высказанные Вами, очень современны. Они занимают не только отечественных ученых. Я приведу высказывание одного немецкого профессора: «Перед тем как начинать нововведения, следовало бы произвести генеральную оценку того, от чего мы при этом отказываемся». Именно это, на мой взгляд, необходимо сделать, прежде чем принимать новые законы. Ценна мысль о том, что видимое и реальное различаются. Когда я студентам рассказываю об этом, тот задаю два вопроса: «Сколько длилась Столетняя война?» (Она продолжалась 116 лет, но называется столетней.) Второй вопрос: «Как звали английского короля Георга IV?» (Альберт.)

С. Ф. ЕГОРОВ: — Уважаемые коллеги, в данном контексте уместно вспомнить слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: понять до конца современность можно только в свете истории. Название моего доклада — «Нравственный императив диалога культур в истории отечественной педагогики нового времени». Здесь я не имею возможности полностью воспроизвести эти тезисы, но в нескольких предложениях приоткрою их смысл.

Диалог культур — это очень широкая тема, и сколько бы мы ни говорили о ней, исчерпать ее до конца просто невозможно. Но с темой диалога культур неразрывно

связаны другие идеи. Одна культура более прогрессивная, развитая, а другая кажется консервативной и уже отжившей и т. д. Как это проявляется в истории отечественной педагогики? Если мы обратимся к истории, то увидим, что диалог культур — процесс очень сложный и противоречивый. Еще неизвестно, что именно каждая из культур приобретает или теряет в процессе диалога.

Существуют различные культуры: западная и восточная, в том числе российская. В западноевропейских и отчасти русскоязычных СМИ нередко звучит идея, что русские «отстали». Но здесь тоже возможно различное понимание. Россия в культурном отношении всегда была отсталой по той причине, что она отгораживалась от более передовой культуры Запада. Так ли это на самом деле? Когда начинаешь анализировать это мнение, то возникают вопросы иного порядка.

Например, что представляла собой Россия в целом и система российского образования в конце XIX — начале XX века? В России в 1913 году вышло столько книг, сколько в том же году в Англии, Германии, Соединенных Штатах Америки, вместе взятых. Можно ли в данном случае так категорично говорить о том, что Россия «отставала» в то время? Кстати, русские педагоги и деятели образования следили за всем, что происходит в мире образования. Об этом свидетельствует большое количество публикаций и книг. Но этого нельзя сказать про Запад по отношению к России. Происходил односторонний процесс.

Если посмотреть историю, то можно сделать важные для темы «Диалог культур» наблюдения. На Западе зачитывались произведением Боккаччо «Декамерон», на Руси читали жития святых подвижников, то есть одно контрастирует с другим. В католическом костеле звучал орган, в православном храме — мелодика человеческого голоса с неподражаемым знаменным распевом. До сих пор никто из композиторов не превзошел мелодику знаменного распева. В западноевропейской живописи Средневековья господствовал культ обнаженного тела, а на Руси — иконопись, которой западные люди стали интересоваться позже. Если взять образ женщины, то на Западе это Кармен, на Руси — Татьяна Ларина. Это совершенно противоположные образы.

Можно ли в данном случае характеризовать страну как передовую или отсталую? По-моему, это неуместно. Можно только констатировать, что культуры Запада и России были различными, и это нужно принять во внимание.

Может ли происходить диалог культур, их сближение, в какой-то мере обогащение? Россия всегда именно так относилась к культурам других регионов. И поэтому она развивалась прогрессивно. Процесс диалога российской и западной культур никогда не характеризовался плавным течением, беспроблемностью, скорее наоборот.

Например, в первой половине XIX века была распространена франкомания. Затем на смену франкомании пришла англомания. Совершенно очевидно прослеживается влияние, особенно на образованный слой российского общества. Вопреки этим влияниям, отчасти даже благодаря им в середине XIX века развитие культуры в области живописи, музыки, литературы, театра можно назвать золотым веком развития российской культуры. Об этом нельзя забывать.

Вообще словосочетание «диалог культур», его сакральный смысл предполагает то, о чем мы иногда забываем, а именно равноправное положение культур, участвующих в диалоге. Диалог может состояться только тогда, когда есть основание, которое можно назвать общечеловеческой нравственностью. Если его нет, то никакого плодотворного диалога не состоится, а будет лишь противоборство культур (кто кого одолеет). В диалоге культур это достигается разными средствами.

В XVII веке произошло одно знаменательное событие, которое непосредственно относится к нашей сегодняшней теме, — церковный раскол. Что за ним стояло? Влияние Запада на Россию через Польшу, Киев, причем совершенно неплодотворное для русской культуры. Какими средствами осуществлялось это влияние, агрессивное по отношению к отечественной культуре? Во всех хрестоматиях фигурируют такие имена, как Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, которые несли культуру с Запада. Но когда начинаешь изучать исторические источники, то оказывается, что историки многие десятилетия повторяют одно и то же.

В результате вырисовывается такая лубочная картина: Русь была безнадежно отсталой, а с Запада шло влияние. Между прочим эта мысль представлена и в современных учебниках по истории воспитания и образования. Самый распространенный учебник по истории образования и педагогической мысли, который вышел под редакцией Алексея Ивановича Пискунова, содержит лубочную картину об отсталости безнадежной России. Оказывается, что свет просвещения исходит не с Востока, а с Запада.

Что же происходило на самом деле? Царь Алексей Михайлович обратился к представителям христианства на Востоке с просьбой прислать знающих, образованных людей разобратся с церковными книгами. Ему прислали не того, кого он просил, а Симеона Полоцкого, к примеру. До сих пор историки не знают, кто такой Симеон Полоцкий. По некоторым сведениям, он происходил из Белоруссии. В других источниках Симеон Полоцкий говорил известному писателю XVII века Аввакуму, что он из Киева. Точных сведений о его рождении, родителях, происхождении мы не имеем.

В историко-педагогической литературе Полоцкого характеризуют положительно, как великого деятеля культуры, и употребляют по отношению к нему соответствующие эпитеты. Однако никто не приводит сведений тех современников, которые называли его совершенно иначе: оккультистом, астрологом и т. д. Не упоминают и того, какую он играл роль в воспитании 13 царских детей Алексея Михайловича.

Главный момент — что более грамотным, более образованным западным деятелям удалось внести раскол в русскую церковь. Тема церковного раскола — это область деятельности богословов, а не ученых. Но не может не интересовать образовательная составляющая этого судьбоносного события, которое на 300 лет раскололо не только церковь, но и фактически национальное русское сознание. Раскол до сих пор не преодолен, хотя Русская православная церковь предприняла некоторые меры, для того чтобы положить ему конец. Будем надеяться, что это произойдет в течение нашей жизни.

Вопреки логике русского языка раскольниками стали называть тех, кто исполнял старые обряды и оставался верен православной церкви. Представители официальной церкви для этой цели отменили постановление Стоглавого собора при Иване Грозном, а потом говорили: «Нельзя изменить, потому что это решение Собора, и мы не можем этого сделать». Но «раскольники» создали прецедент, выступив в защиту некоторых решений и обрядов Стоглавого собора. Позднее было установлено, что эти проблемы должна решать не только церковь, но и государство. Если вас интересуют подробности, то они опубликованы в журнале «Педагогика» за 2008 год (№ 2).

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Я согласен с Семеном Филипповичем Егоровым, который говорил о «вечном отставании» России. Приведу один факт. В 1861 году в России было отменено крепостное право, а спустя несколько лет, в 1865-м, в Америке было отменено рабство. Все по-

нимают разницу между крепостным правом и рабством. В Америке рабство было отменено позднее, чем в России крепостное право.

Другой момент связан с противопоставлениями «Декамерона», культ обнаженного тела и прочего российским реалиям. Я думаю, что в данном случае важен диалог культур. Невозможно читать только жития святых. «Декамерон» — это исключительно интересное произведение. И Кармен, и Татьяна Ларина — это неплохо. А когда нет диалога, и то, и другое, и противопоставление, наверное, плохо.

Я хочу процитировать стихотворение поэта Федора Кони, творившего в 1860-е годы. (Он был отцом известного адвоката, юриста Кони, который дожил до советских времен.) У него было стихотворение «Не жди, чтобы цвела страна» — своеобразный документ той эпохи. В нем зримо представлены недостатки, которые мы иногда возводим к советской эпохе:

Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка
И где зависит все от сна
И от сварения желудка!
Где есть закон, чтоб понимать,
Как он изменчив и непрочен;
И где звездами лечат знать
От заслуженных ей пощечин!
<...>
Где всё правительство живет
Растленьем нравственным народа;
На откуп пьянство отдаст
Для умножения дохода!
<...>
Где недостатка нет в полах,
А веры не видать от века;
Где бог в одних лишь образах,
Не в убежденьи человека!
<...>
Где в прихоть барства и чинов
Даны на жертву поколенья,
Где для затмения умов
Есть министерство просвещенья.

Это 1855 год, и все это уже было. Конечно, недостатки постепенно накапливались, в частности в советскую эпоху. Но нельзя окрашивать только в черную и белую краски то, что досталось нам в наследство. В частности, положительный опыт, о котором рассказал Валентин Иванович Андреев, — что в Китае сын, который является наследником отца, должен был ждать три года, пока он поймет, что надо менять, а что нет. Но, увы, это правило в настоящее время не действует, нарушается, и в Китае, наверное, тоже, судя по тому, как проходят их реформы.

О. В. СЮТКИНА: — Я убежденный западник. Сегодня прозвучало очень хорошее высказывание, что именно реальная образовательная практика поможет найти ответы на вопросы. Я реальный практик. Теоретики, генерируя определенные идеи, не задумываются о том, что практики оказываются в условиях, которые не могут изменить. То есть мы должны работать, не выходя за рамки определенного документа. Я не только 13 лет занимаюсь сравнительной педагогикой, но и являюсь практикующим конфликтологом.

Я знаю, что отторжение западного опыта происходит только по одной причине — потому что нам его навязывают, не предоставляют возможность выбора решений, нам говорят: «Идите туда, делайте то, занимайтесь компетенциями, компетентностью» и т. д. Нам это не нравится,

потому что мы не можем выбирать, поэтому мы отторгаем западный опыт. Но ведь и на Западе работают реальные люди. Там перед учителями-практиками встают те же самые проблемы, что и перед российскими учителями.

В 1997 году на конференции в Глазове я говорила, в частности, о том, что у учителей в Германии имеются затруднения при реализации компетентностного подхода. Меня не стали слушать и сказали, что компетентностный подход в России никогда не будет применяться, это никому не интересно. В том же 1997 году в институте в Мюнхене провели исследование, в котором было определено, какие затруднения у учителей возникают и при помощи каких способов их можно преодолеть. Но мы практически не интересуемся этим.

Возвращаясь к тому, о чем говорила Елена Олеговна Галицких, я хочу сказать, что есть опыт поликультурного образования в Америке, есть опыт поликультурного образования и его реализации через интеграционные (межпредметные) курсы в Германии. Более того: при институтах и университетах Америки существуют институты повышения квалификации учителей, где обобщается этот опыт и информация бесплатно размещается на сайте. Интеграционный курс для поликультурного образования подробно описан, вплоть до раздаточного материала. Но ведь об этом надо знать.

В России, когда проходит конкурс, связанный с повышением квалификации учителей, обычно его результаты, практические наработки, используемый опыт, методические материалы куда-нибудь сдаются. Куда они исчезают — совершенно непонятно. Это положительный опыт, который можно использовать. Зачем видеть только плохое?

Другой вопрос имеет отношение к людям с ограниченными возможностями. Я занималась исследованием межпредметных связей и соответственно интеграцией. Последняя предусматривает создание интеграционных программ, помогающих инвалидам учиться в обычной школе. В этой области накоплен большой опыт, защищены диссертации. Но почему вновь мы видим только плохое?

Интернет — отдельная тема. Как бы наши студенты увидели питерскую хорошую профессуру, если бы не было видеоконференций, проводимых при помощи Интернета?

Сравнительная педагогика позволяет не только отвергнуть плохое, но и взять хорошее. Странно слышать, что толерантность — это плохо, потому что она так называется. Это та же терпимость. В связи с этим хотелось бы рассказать восточную сказку: к слону привели трех слепцов. Один подергал его и сказал: «Слон — это веревка», потому что дергал за хвост. Второй обнял и сказал: «Слон — это колонна», потому что он касался ноги. А третий потрогал и сказал: «Слон — это труба», наверное, потому что он трогал хобот. Мы, как слепцы, ходим около какого-то явления и называем его по-разному. Но ведь явление существует, почему же не использовать положительный опыт?

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Это очень интересно. В России западники появились гораздо раньше, например Чаадаев. И то, что Ольга Викторовна — западник, — это возможный вариант. Однако, на мой взгляд, нельзя говорить о том, что происходит отторжение западного опыта. Я был на Западе, в Америке, примерно две недели назад. И могу совершенно определенно сказать, что американцы в среднем говорят по-английски хуже, чем я, пишут совершенно ужасно. Мне приходилось общаться не только с образованной элитой, но и с простыми людьми. Это уже не английский язык. Как писал Марк Твен, не обязательно всем говорить по-английски. Американцы вообще никогда не

говорили по-английски. То, о чем я говорю, — это падение качества образования в Соединенных Штатах Америки. Я не имею в виду специальные хорошие школы.

Обращаясь к вопросу о компетентности. Я не понимаю, почему это нужно называть компетентностью, если это знания, умения и навыки, которые были у нас всегда. Я пришел к следующему выводу: слово «компетенция» охватывает знания, умения, навыки и мотивацию, имеет практический уклон. Я не думаю, что отторжение обусловлено именно тем, что влияние идет с Запада. Но есть вещи, которые нам на самом деле мешают.

Другой вопрос связан с Интернетом. Я не могу представить себе дня без него. Интернет — обоюдоострое оружие. Если я хочу найти для трехлетней девочки песенку «Жили у бабули два веселых гуся», а получаю порнографию в фото- и видеовариантах (против которой я тоже ничего не имею), то это плохо, я не просил этого. Может быть, не следует так категорично утверждать, что у нас отвергается Интернет. Нет, отвергаются некоторые его составляющие. Речь идет об общедоступности. Между прочим американцы примерно семь лет тому назад приняли первые попытки ограничения доступа к Интернету. Теперь даже в школе введены четкие ограничения. Доступ к Сети дома — это другой вопрос. И в остальных странах тоже вводится контроль за доступом к Интернету. А мы боимся. Не потому, что нет аппаратной части и софта, то есть программного обеспечения, все это достаточно просто. Мы боимся, что нас обвинят в недостатке любви к свободе...

Приведу еще один пример, не новый, но очень показательный. Полтора года назад в одной колонии в городе Льгове вскрыли себе вены заключенные, права которых, как они по крайней мере думали, нарушались. Конечно, этих прав не так много, и защищать права заключенных тоже надо. Но эта информация была оглашена в средствах массовой информации, и заключенные около десятка других колоний примерно в течение месяца сделали то же самое. Мы хотим, чтобы по показателю «уровень свободы прессы» Россия переместилась со 175 места, на котором мы сейчас находимся, на 150, потому что это важно. Или, если расставлять приоритеты, чтобы другие заключенные не резали себе вены, следуя примеру, озвученному в СМИ. То есть здесь существует много сложных вопросов.

И последний вопрос Ольге Викторовне: Вы говорите, что являетесь западником. А на каком уровне Вы знаете Запад?

О. В. СЮТКИНА: — Я 13 лет занимаюсь своей темой — историей возникновения и развития межпредметной интеграции в системе образования в России, Германии и США. Владею английским и немецким языками. Николай Дмитриевич, Ваш первый пример связан с падением уровня владения английским языком в Америке. У меня возникла идея: обратившись к педагогам Америки, можно узнать, как они с этим борются. В России обычно происходит следующее: западные учителя плохо работают, у них отрицательные результаты, мы этот опыт перенимать не будем. Но западные педагоги понимают, что они плохо работают, и борются с этим, предпринимают какие-то меры. Может быть, их опыт можно позаимствовать? Я занимаюсь исследованием именно этого вопроса. В этом, на мой взгляд, и заключается диалог.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — В Америке и во многих других странах, где я бывал, увы, с образованием дела обстоят плохо. Но ни в одной стране к педагогической науке не предъявляют столь высоких требований, как в России. Педагогическая наука должна обеспечить, чтобы было все хорошо. Но кроме образования существует и социализа-

ция, которая во многом перечеркивает то, что делает образование.

— Скажите, пожалуйста, немецкая и французская школы высшего образования развиваются по-разному? *(вопрос из зала)*

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Если говорить о лингвистической стороне вопроса, то эти языки принадлежат разным семьям. И чем на более высокий уровень общения люди поднимаются, тем ближе языки. Скажем, во французском и английском языках в сфере философского курса много общих слов. Зная, допустим, только французский, можно понять слова в английском, и наоборот. А если сравнить немецкий и французский языки, то различия настолько существенны, что почти ничего не понятно. Но это к вопросу о трудностях изучения языка.

Немецкая и французская школы высшего образования очень близки. Но, конечно, они имеют различия. Например, в Германии нет некоторых названий квалификаций. Когда-то существовала степень магистра, в настоящее время остались только специалисты (не как ученая степень, а уровень образования). Степень бакалавра появилась в средневековых университетах Западной Европы и использовалась везде. Затем образовательные процессы развивались по-разному. Если в Германии термин «бакалавр» используется в латинском понимании, то во Франции он применяется к выпускникам полного среднего учебного заведения, то есть это полное среднее образование. По американской системе, восходящей к английской, бакалавр — это студент, прошедший четырехлетнее обучение в высшем учебном заведении, который не считается специалистом. Например, он не может быть учителем, а может работать помощником учителя, в школьном аппарате, но он не является специалистом или учителем. Это отдельный большой вопрос.

С. М. БЕЗУХ: — Я хотела бы остановиться на трех моментах. Первое — педагогика, с моей точки зрения, много выиграет, если станет междисциплинарной. Приведу два примера. По специальности я невролог. В настоящее время рождаются только 5 % здоровых детей, 95 % новорожденных имеют ту или иную патологию, в том числе со стороны нервной системы. Это подтвержденный факт. Второй пример — Институт мозга человека РАН (Санкт-Петербург) провел исследование среди первокурсников с первой группой здоровья (то есть это абсолютно здоровые дети). В течение года их обследовали специалисты, которые пришли к выводу, что из 100 детей к обучению были готовы только 30 %, а к адаптации в условиях школьного режима — лишь 40 %.

В связи с этим я хотела бы подчеркнуть важность междисциплинарности педагогики и соотнесения уровня образовательных программ с уровнем здоровья обучающихся. Все ли программы дети смогут освоить, и как они будут перерабатывать полученные знания, обучаться?

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Светлана Михайловна. Вы затронули очень серьезную тему. Конечно, в отношении здоровых новорожденных детей существуют разные статистические данные. Но здесь важно критическое понимание. Врачи иногда говорят: «Нет здоровых людей, есть недообследованные» (и так подходят к этой проблеме). Для нас это вопрос нормы и патологии.

Необходимо установить, откуда происходит проблема, что такое практическое здоровье, пределы возрастных изменений, когда возникают такие изменения, что такое абсолютное здоровье. Совершенно бесспорно, что здоровых людей становится меньше. В настоящее время на уча-

щихся лежит огромная нагрузка. Следует учитывать и социальные причины: экологию, питание, причем не только его количество (хотя теперь, увы, и количество), но и рацион.

Возвращаясь к тому, о чем говорила Светлана Михайловна, следует сказать об Институте возрастной физиологии РАО, который «воюет» с Министерством образования по поводу стандартов. Постоянно уменьшается количество часов по педагогике, в частности по истории педагогики, что плохо не только потому, что история интересна, но и потому, что она действительно важна.

То, о чем говорила Светлана Михайловна, совершенно справедливо: здоровых людей действительно становится все меньше. Главное — чтобы люди были компетентны.

— Диалог пока осуществляется на уровне обмена или взаимодействия. Николай Дмитриевич правильно заметил, что мы создаем новый продукт. Этого мы еще не умеем делать. Результат диалога — это создание совершенно новых, может быть духовных, продуктов.

Педагогика не может быть без счастья. Счастье — это то, чем мы хотим и можем поделиться. Если нам нечем делиться или мы не хотим — это несчастье.

На одной конференции, проводившейся в Санкт-Петербурге, говорили о новой программе, о том, как учить и готовить детей к жизни, чему должны учиться дети. Они должны, во-первых, создать себя, с детства создавать себя; во-вторых, организовать себе место; в-третьих, научиться зарабатывать деньги, значит, продавать себя, свой труд и прочее; в-четвертых, когда они всему научатся, они должны желать и мочь поделиться с другими, то есть отдавать то, что умеют. Такую программу выстраивают для России.

Что я почерпнула из нашей сегодняшней встречи? В 1967 году в Париже проходил международный медицинский конгресс. Там к врачебной клятве «Не навреди» добавили еще одно предложение: «Клянусь обучаться всю жизнь». Это единственный случай в мировой практике, когда клятву Гиппократу дополнили. А учиться всю жизнь, мне кажется, можно только в диалоге, то есть в диалоге учиться, в диалоге жить, и только тогда диалогу быть. *(реплика из зала)*

— Мероприятия, подобные нашим Читаниям, проводились в России начиная с конца XIX — начала XX века. Наша страна была инициатором проведения международного конгресса по нравственному воспитанию. Второй и последний Международный конгресс по вопросам нравственного воспитания прошел в 1909 году, его материалы были опубликованы в 1911 году. Следующий конгресс должен был состояться в 1918 году. Второй конгресс проходил в Гааге по инициативе России. На нем присутствовали 900 специалистов, в том числе 263 человека из России (из них около 130 из Санкт-Петербурга). Среди участников конгресса в основном были военные педагоги, преподаватели юнкерских училищ, кадетских корпусов, академий и много врачей. Наши Читания в какой-то степени продолжают эту давнюю традицию. *(реплика из зала)*

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Бесспорно, воспитание и обучение — это разные явления. Теперь это понимают все. Но если человек в процессе обучения сегодня что-то не выучил, то он это восполнит завтра. К сожалению, этого нельзя сказать о воспитании. Если человек сегодня не воспитан, то придется много работать над тем, чтобы «довоспитать» или перевоспитать его.

— Воспитание важно, а социализация сильнее. *(реплика из зала)*

Н. Д. НИКАНДРОВ: — На заседании нашей секции обсуждались различные вопросы, и мы можем подвести краткие итоги. Выступили 16 человек, которые представили интересные содержательные сообщения. Никому не было отказано в возможности высказать свое мнение.

Мы ушли от главной темы Чтений — диалога культур — и начали обсуждение с того, что педагогов интересует больше всего — дальнейшее развитие образования, судьба реформ образования. Прозвучали разные мнения. Наверное, еще раз стоит вспомнить мудрых китайцев, которые, прежде чем что-то реформировать, три года ждут и смотрят, а надо ли собственно реформировать. Также много говорилось и том, что существует опасность незавершения реформ. Но без изменений невозможно. Советское образование было хорошим, в этом нет сомне-

ний. Но оно было хорошим для того времени. Изменились время, мы и значительно — младшее поколение. Соответственно сохранить то, что было раньше (даже хорошее), на самом деле нельзя.

Юрий Степанович Давыдов начал сегодняшний разговор с того, что сказал, что он работает в составе Экспертного совета по вопросам образования при Госдуме. Он взял на себя обязательство перед теми, кто хотел бы ознакомиться с текстом проекта нового закона, и предложил обращаться к нему с предложениями. Это очень хорошо.

Очень интересными были конкретные выступления, которые я старался комментировать. Я благодарен выступавшим за то, что были представлены интересные доклады. Я желаю вам успехов в дальнейшей педагогической деятельности и в жизни.